

когда ненастье сутки напролёт,
окрестный люд её не признаёт -
ругает ведьмой да украдкой крестит.

Дома закрыты, будто вновь чума.
И, как на грех - холодная зима,
дожди секут плантации оливы.
На мельницу, под выбеленный свод,
из Пальмы ветер проповедь несёт -
"Молись за них, Святая Каталина!"

Сегодня Фредерик бледней свечи,
дыхание его слегка горчит,
как смолы кипарисового леса.
В заброшенном сыром монастыре
античный неф не думает стареть,
где хлеб печёт "святая" баронесса.

Миндаль в цвету. Кончина февраля
Ноктюрны пьёт плейелевский рояль.
Аврора привыкает постепенно
к ночным прогулкам, уханью совы.
Вокруг могилы в зарослях травы
раздуты, как лягушки Лафонтена.

А смерть уже плетёт свои силки -
тебе, с больной, горячечной руки
завещан будет слепок, Вальдемосса!
"Хорошую Гавану" курит Бог.
Аврора гасит судорожный вздох
и дым скользит по венчикам мимозы.

Лето на Свири

Я прибыл с юга в непогожий день.
Застенчивое северное лето
со мной не пьёт, но наполняет всклень
обманчивую ночь молочным светом.
Трепещут островки березняка.
Луна понять не в силах, где ей место
в орбите суток - так моя строка
льнёт то к анапесту, то к анапесту.
Тепло на Свири жалкое до слёз,
лишь тронь - оно тотчас пойдёт на убыль.
Черёмухи дурманящая гроздь
велит ослепнуть - только я не Врубель.

Качаются и тонут поплавки
у пристани, где тощие подростки
рыбачат, молча курят по-мужски
размятую в ладонях папироску -
одну на всех. Уходит теплоход -
плакун-трава следы его ласкает.
Зима в сторонке притаившись ждёт.
Галдящих крякв непуганая стая
потомство поднимает на крыло.
И ночь, как день,
и нет причин для грусти.
Как будто время истины пришло -
охотилось...
поймало...
не отпустит...

Карафуто

давай поедем
на Карафуто
вечерним скорым
два спальных места
нас покачают
всего семь суток
а москвитянам
порой полезно
стать дезертирами
постных будней
забраться в логовище
муссона
сначала рельсами
сухопутно
потом проливом
бесцеремонно
но прежде будут
кресты да зоны
лесоповалов
барачный иней
и от Байкала
до Оймякона
кровить по клеткам
"тетради синей"
и что с того что
тайга редееет
ведь за Уралом
её богато

не ловкачи мы
не асмодеи
а только чуточку
азиаты
наш поезд выберется
с Транссиба
и понесётся
па-баммм
по БАМу
ты будешь думать
как я красива
в скупом подсвечивании
вольфрама
тоннели выйдут на нас
облавой
в тоннелях принято
целоваться
и ты не струсишь
с такую цацей
рождённой
временем волкодава
ключицы съёжятся
с непривычки
"вторая речка"
мельчает рядом
гдегнулись лычки
на перекличках
затворы щёлкали
автоматов
а я всё помню
как тёрла мама
большие окна
газетой "Знамя"
и как мы жили
по Мандельштаму
страну нащупывая
ступнями
давай поедем
на Карафуту
динамик выдохнется
Вертинским
и мы увидим
другое утро
совсем другое -
по-сахалински.

Содержимое данного документа является собственностью портала и не должно использоваться без разрешения администрации портала.